

RU

Научная рецензия на коллективную монографию
«Сверхтекст: генезис, структура, семантика» / С. О. Курьянов,
И. В. Александрова, Е. К. Беспалова, Л. В. Бондаренко [и др.];
под науч. ред. С. О. Курьянова. М.: Директ-Медиа, 2023. 224 с.

Хазанкович Ю. Г.

Аннотация. В рецензируемой книге представлена аналитическая рефлексия бытующей теории изучения ассоциативно-смыслового сверхтекста. Научное исследование на материале прежде всего «крымского текста» позволило выявить, классифицировать и интерпретировать отдельные сверхтексты и разрешить некоторые теоретические вопросы по проблеме бытования и функционирования больших текстовых структур.

EN

The collective monograph “Supertext: Genesis, Structure, Semantics” /
S. O. Kuryanov, I. V. Aleksandrova, E. K. Bespalova, L. V. Bondarenko [et al.];
ed. by S. O. Kuryanov. Moscow: Direkt-Media, 2023. 224 p.: Book review

J. G. Khazankovich

Abstract. The reviewed book presents an analytical reflection on the existing theory of associative-semantic supertexts. The scientific research, primarily based on the “Crimean text”, allowed the authors to identify, classify, and interpret individual supertexts and resolve certain theoretical questions regarding the existence and functioning of large textual structures.

Рецензируемая монография как промежуточный итог научно-творческих исканий ученых-литературоведов Института филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского имеет традиционную структуру, концептуальное содержание и адресована тем, кого «интересуют проблемы бытования и функционирования больших текстовых структур» (с. 2). Монография состоит из двух объемных глав, посвященных теории сверхтекста, классификации и интерпретации сверхтекстов на материале русской и зарубежной литературы XIX–XX вв. и новейшего времени.

В первой главе коллективной монографии имеется вводный послыл: «...изучение сверхтекста – интерес общефилологический», а у литературоведов он «ограничен исключительно художественными произведениями». Мы абсолютно разделяем данное положение в монографии, потому как художественный текст транслирует индивидуально-авторскую картину мира писателя.

Теоретическая глава, концептуальная по содержанию, открывается исследованием проблемы дефиниции «сверхтекст» в связи с необходимостью не столько целостного ее осмысления, сколько новой систематизации и уточнения понятий и границ их значений, обусловленных современным уровнем литературоведческих исследований. Особо отметим, что содержание главы логически взаимосвязано и подтверждено цитатами из авторитетных источников. Так, крымские исследователи, разделяя мнение поморского ученого А. Г. Лошакова об общности автономных словесных текстов, отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью, и теорию Н. Е. Меднис об интегрированности текстов как константе ассоциативно-смыслового контекста, выводят концептуальное определение сверхтекста как системы интегрированных текстов, представляющих собой «ассоциативно-смысловую общность» (с. 7). Последняя тождественно воспринимается авторским и читательским сознанием благодаря единому культурному коду, причем, по замечанию авторов, тексты эти объединены именно в идейно-смысловом плане, а не содержательно.

Первая глава в целом отличается скрупулезной теоретической проработкой понятия «ассоциативно-смысловой сверхтекст» с учетом накопленного материала, новых суждений по указанной проблеме и необходимости систематизации. Опираясь на разработки Н. Е. Меднис, В. В. Абашева, А. Г. Лошакова, крымские ученые анализируют структурные элементы ассоциативно-смыслового сверхтекста и выделяют возможность собирания в сверхтекст разнородных знаков, как собственно и «собрание в филологический сверхтекст разнородных текстов – текстов разных жанров, текстов разных литературных направлений и эпох» (с. 9). Размышления В. Н. Топорова о Петербурге стали для пространственно-событийной мифологии, по мнению авторов, базовыми в понимании сверхтекста, с ним сопряжены и константные мифологизированные представления о топосе легендарного города. Цитируемые источники в монографии отражают современную точку зрения на исследуемую проблему.

Константные мифологизированные представления содержат «ядерный концепт», и эти представления проявляются в разных жанрах литературы, эпохах как таковых и в идейной направленности. Константные мифологизированные представления выступают основой объединения текстов в сверхтекст. Именно константные мифологизированные представления формируют «крымский текст» и его концепт-ядро «Крым».

Понятие «крымский миф» в работе подвергается смысловой «деконструкции» – это не только миф о колыбели русского православия и восточной мусульманской стране, его составной частью является как мифологема, так и константные мифологические представления как часть уже современного крымского мифа. Это позволяет сделать логичный вывод, что крымский миф хотя и является топическим (пространственным) и константные мифологические представления только ассоциированы с событиями, произошедшими в указанном локусе, тем не менее это придает ему особенные черты, и топоним начинает читаться воспринимающим сознанием как «пространство, наделенное сюжетикой, которая его мифологизирует» (с. 11).

Глубоко симпатична в монографии манера научных размышлений над наисложнейшей теоретической проблемой в виде постановочных вопросов и возможности ее решения: так, например, формулируются по работам В. Н. Топорова и А. Г. Лошакова риторические вопросы: «Что есть основа сверхтекста – миф, концепт, тема, символ, мотив, интертекст?» (с. 12).

С опорой на классификацию поморского коллеги А. Г. Лошакова авторами были выделены топический, именной и событийный сверхтексты, их виды, которые могут выступать в качестве самостоятельных субтекстов. Подчеркивается, что наиболее известен и изучен пространственный сверхтекст, тогда как событийный исследован достаточно слабо. Между тем авторы выделяют и расшифровывают наполнение двух вариантов событийного сверхтекста – в виде «казуального» и «эпохального» текстов/субтекстов. К сожалению, авторы в первой главе при понятийной дешифровке событийного сверхтекста рамочно не приводят ссылки на тексты, в отличие от топического и пространственного сверхтекстов. Полагаем, что изначально это дало более целостное представление о наполняемости именно событийного сверхтекста.

Топический (пространственный) сверхтекст в первой главе монографии функционально заявлен в двух видах – локальном и региональном. В рамках нашего обращения к рецензируемой работе именно пространственный сверхтекст вызывает большой интерес, поскольку сейчас активно исследуются «уральский текст», «сибирский текст», «северный текст», «якутский текст» и др. Мы согласимся с авторами, что региональный текст однозначно не гомогенный. Региональные мифы строятся на разновременных мифах, рожденных разными эпохами: так, если в XIX – нач. XX в. устоявшимися были представления о Сибири как месте ссылки и «гиблом месте», то в настоящее время Сибирь воспринимается как ойкумена, где встречается традиционная русская культура XVI века через ее проявленность в сакральных обрядах и языке русских старожилов.

Вторая глава посвящена вопросам выделения и описания сверхтекстов на материале художественных произведений. Практическая значимость данной главы очевидна: авторы сосредоточились на скрупулезном текстуальном анализе произведений, некоторые из которых ранее не изучались в ракурсе сверхтекста. Так, именной сверхтекст как вид ассоциативно-смыслового сверхтекста представлен текстами персоническим и персонажным. В качестве ядерных для первого выделяются концепт «Пушкин», мифологема «пушкинский Крым», и именно они становятся для авторов предметом исследования в поэзии А. Пушкина, В. Набокова и Д. Бурлюка. Более того, «текст персонажный» предлагается рассмотреть через призму «лизаветинского» текста (Ф. Достоевский) и «каренинского» (Л. Толстой).

Также во второй главе предметно исследуется текст Гражданской войны в русской литературе 1917–1920 гг., который, по мнению авторов, включает в себя различные субтексты, например именной текст – Ленин, Троцкий, Колчак, а также константные мифологические представления, типа «красные/белые», «буржуи/рабочие». Эпохальный текст был рассмотрен на примере мемуаристики Н. А. Маркевича, его впечатлений от «литературы пушкинской поры» и «живых образцов литературной эпохи» – Н. Карамзина, А. Дельвига и др. Не обойден авторским вниманием и XXI век: объектом изучения оказался текст сталинской эпохи в прозе Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд», в котором важнейшим компонентом сверхтекста является константное мифологическое представление о Пути – к своей собственной личности, самому себе и т. п. В рамках событийного сверхтекста авторами рассматривается в качестве эпохального, с одной стороны, текст «викторианский», а с другой – тексты постмодернистские XX–XXI вв. (В. Напойла «Полужизнь», К. Исигуро «Остаток дня», С. Рушди «Дети полуночи» и др.).

Топический (пространственный) сверхтекст авторский коллектив представил через анализ западноевропейской и американской литератур. Так, актуализируется исследовательское внимание к лондонскому

и нью-йоркскому текстам. Эти локальные тексты разнофокусно воплощают духовно-символическую сторону названных городов, не вытесняя при этом «жизнь современников с их устремлениями, болью, яростью, отчаянием, одиночеством» (с. 140). На примере романистики британца Питера Акройда сделан вывод, что образ Лондона в его произведениях следует отнести к «образной гиперсистеме» (с. 149), поскольку он выходит за рамки одного произведения, развивается, модифицируется и дополняется на протяжении всего творческого пути. В прозе американца Дона Делилло выявляется образ мегаполиса Нью-Йорка, символизирующего хаос, «золотого тельца» капитализма и активное деструктивное начало.

Региональный текст топического (пространственного) сверхтекста изучен в художественной и публицистической прозе Эдуарда Лимонова, причем в качестве регионального текста выступает именно «крымский текст». В параграфе подчеркивается, что крымский текст, как и харьковский, – изначальный в творчестве Э. Лимонова. Но в то же время крайне интересно мнение исследователей, что сам прозаик особым образом даже повлиял на формирование крымского текста в русской литературе в целом (с. 173). Мы можем доверять такому утверждению, исходя из литературоведческой аксиомы, что «топический текст формируется под влиянием событий, мифологем и архетипов, специфических для Крыма» (с. 174). Обращение к публицистической прозе Э. Лимонова в рамках монографии позволило разнофокусно описать ядро крымского текста в творчестве писателя: таковым является «миф о Крыме» у русского писателя-современника, в котором Крым – святая русская земля, Крым – неотъемлемая часть русского мира и Российского государства.

В Заключении монографического труда подводятся теоретические итоги проблемы изучения сверхтекста, начиная с его генезиса и кончая семантикой. Подчеркивается, что «ассоциативно-смысловой сверхтекст» сегодня наиболее изучен и традиционно представлен событийным, пространственным и именным сверхтекстами, состоящими, в свою очередь, из персонических и персонажных, локальных и региональных, казуальных и эпохальных сверхтекстов, которые были выявлены и изучены авторским коллективом прежде всего на прозаическом материале. В итоге подчеркивается, что «развитие сверхтекста способствует не только дальнейшему изучению различных его составляющих, уточнению их функций, но и указывает новые подходы к большим текстовым образованиям» (с. 202). Тем более опыт такой уже предпринят в заключительном параграфе монографии, посвященном изучению в фокусе сверхтекста повествовательных циклов в русской литературе первой половины XIX века. Обращение к повествовательному циклу вполне обосновано, поскольку он, по мнению авторов, представляет собой варианты индивидуально-авторских текстовых единств. Ценностные авторские интенции, авторский стиль, мотивно-образная система в сопряжении с концептосферой – вот определяющие каждого конкретного художественного цикла, рассмотрение которого логично в рамках изучения функционирования больших текстовых структур.

Коллективная монография крымских ученых – труд, безусловно, актуальный в теоретическом осмыслении и концептуальный в разработке проблемы сверхтекста. Содержание монографии, логика, стиль изложения свидетельствуют о фундаментальности рецензируемой работы. Особо отметим библиографию, которая будет верным проводником в новейших исследованиях проблем сверхтекста. Очевидно, что в перспективе появится труд, в котором материалом изучения станет поэзия, в частности авторский поэтический сверхтекст. Это может быть региональная поэзия Крыма либо русская поэтическая классика XIX–XX вв., в которой словесно-концептуальными единицами являются Крым и Россия, а также проявлен особый модус сознания как на уровне отдельно взятого произведения, так и на уровне всей поэтической общности, что будет принципиальным в объединении разрозненных субтекстов в единый ассоциативно-смысловой сверхтекст, представленный как в прозе, так и в поэзии.

Информация об авторах | Author information

RU

Хазанкович Юлия Геннадьевна¹, д. филол. н., доц.

¹ Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, г. Якутск

EN

Julia Gennadjevna Khazankovich¹, Dr

¹ North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk

¹ hazankovich33@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.10.2024; опубликовано online (published online): 27.11.2024.

Ключевые слова (keywords): сверхтекст; крымский текст; константные мифологические представления; supertext; Crimean text; constant mythological representations.